

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014
 Вопросы истории. 1956, № 12. С. 52-64

Джузеппе Берти

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИТАЛЬЯНСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ (с конца XVIII в. до 1860 г.) *

перевод с итальянского

Отношения между Россией и итальянскими государствами приобрели последовательный и систематический характер начиная с периода 1768 — 1783 годов.

Какую роль играла в то время Италия в политической жизни Европы? В середине XVIII в. «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера, отражавшая взгляды прогрессивных кругов того времени, так описывала Италию тех лет: «Торговля замерла, источник ее богатства иссяк, и народы ее в настоящее время поработены другими державами. Рим все еще является столицей христианского мира, но если папа и обладает достаточной властью для того, чтобы заставить почитать Рим, власть эта все же недостаточна для того, чтобы считаться с ним. Флорентийская, Венецианская и Генуэзская республики утратили свою славу и блеск; другие государства прекрасного полуострова подчинены императору, королю Сардинии и инфанту Дон Карлосу, интересы которых взаимно противоположны. Существуют еще и маленькие государства, которые, наподобие караван-сараяв, доступны любым пришельцам, и потому им не остается ничего другого, как союз с крупными державами, что свидетельствует не о чувствах дружбы, а о страхе». Вольтер в письме к Фридриху II сформулировал это много короче: «Итальянцы мало что значат» («Les italiens ne sont rien»).

После войны за австрийское наследство (1740—1748 гг.) и заключения Аахенского мира (1748 г.) в европейской политике произошли изменения, в результате которых Франция и Австрия стали союзниками, заключив первый Версальский договор (1756 г.). Таким образом, резко ухудшилось положение всех итальянских государств, в частности и самого крупного из них — Пьемонта, оказавшегося зажатым в тиски.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя настоящую статью известного итальянского историка Дж. Берти, редакция отмечает, что в его статье не освещается социальная сущность внешней политики царского самодержавия и враждебное отношение царизма к революционному движению в Италии.

* В данной статье нет подробных ссылок на материалы, хранящиеся в архивах Турина, Неаполя, Венеции, Генуи, Флоренции, Кальяри и Ватикана, а также на материалы Архива внешней политики России в Москве (дирекция которого любезно прислала автору фотокопии тех материалов, которые он просил), ибо все требуемые ссылки и наиболее важные документы приведены нами в обширной работе «Россия и итальянские государства в период с конца XVIII в. до 1860 г.», недавно выпущенной в свет издательством Эйнауди в Турине. В настоящей статье мы смогли, естественно, лишь в сжатой и обобщенной форме коснуться основных моментов во взаимоотношениях России и Италии, относящихся к периоду с конца XVIII в. до 1860 г., ограничившись в основном отношениями России с двумя наиболее крупными итальянскими государствами — Королевством Сардинии и Неаполитанским королевством.

Если в 1684 г. Виктор Амедей II при описании в своих «Mémoire pour le gouvernement de mon Etat» отношений Савойского дома с различными государствами исключил из рассмотрения северные державы¹, то в 1756 г. положение коренным образом изменилось. Савойская династия, чтобы уцелеть, должна была последовать совету Ришелье, рекомендовавшего маленьким государствам «искать себе могучих и далеких друзей»; искать этих друзей ей пришлось именно среди северных держав. Для итальянских государств возник вопрос установления дипломатических отношений с северными державами.

В своих трудах о Рисорджименто Грамши писал в связи с этим: «Истоки движения Рисорджименто, то есть истоки процесса создания таких условий и таких международных отношений, которые позволили бы Италии объединиться в единую нацию, а национальным силам внутри страны — развиваться и расти, следует искать не в том или ином событии, помеченном той или иной датой, а в самом историческом процессе, в результате которого изменяется вся европейская система в целом»². Правда, сам Грамши уделил внимание главным образом отношениям итальянских государств с Англией и Пруссией, однако следует иметь в виду, что он писал свои труды в тюрьме и не имел возможности использовать архивы. А итальянская историография в прошлом (да и в настоящем) не придавала почти никакого значения отношениям между итальянскими государствами и Россией при рассмотрении международной обстановки, которая привела к новой расстановке сил в Европе и объективно облегчила борьбу итальянских патриотов, поддерживая таким образом Савойскую монархию и более умеренное крыло патриотов, на которое та опиралась. Больше того, освещалась лишь политика периода царствования Николая I, и таким образом подчеркивалась только отрицательная сторона русской политики в отношении национальных устремлений Италии, ибо, несомненно, что в царствование Николая I Россия развязала руки Австрии в Италии и наряду с Австрией являлась главной опорой абсолютистских, консервативных и реакционных сил полуострова.

Таким образом, все остальное предавалось забвению и затушевывалось. Все окрашивалось одной краской. Сложный процесс международных отношений, в которых Россия играла, несомненно, положительную роль по отношению к итальянским государствам с 1768 по 1818—1819 гг., отрицательную — начиная с восстаний 1820—1821 гг. вплоть до окончания царствования Николая I и вновь положительную в послед-

¹ «Что касается государей северных держав,— писал он,— то они находятся так далеко, что не могут принести ни вреда, ни пользы. Я делаю исключение лишь для короля Великобритании». См. А. М а п о. Un mémoire autographe de Victor Amedée II. «Revue Internationale». Firenze. 1884, pp. 93—102.

² А. Г r a m s c i. Il Risorgimento. Torino. 1950, p. 43. Без сомнения, Грамши рассматривает международное положение как один из важных факторов для движения Рисорджименто. Каковы были другие факторы — развитие итальянского капитализма и итальянской буржуазии и развитие либерального и демократического движения внутри страны, — общезвестно. Грамши, а до него Антонио Лабриола отмечали, что влияние международных факторов не должно нами недооцениваться. Небольшие итальянские государства находились в те времена, по существу, в руках больших держав. Международные факторы оказали значительное влияние и на либеральных и демократических патриотов.

Вот почему мы, придавая первостепенное значение развитию буржуазных и народных сил внутри страны, существованию тенденции к объединению сверху и снизу и т. д., остановились в нашей книге, посвященной истории дипломатии, главным образом на отношениях между государствами.

Конечно, и в период 1783—1818 гг. отношения между итальянскими государствами и Россией имели положительные и отрицательные стороны. Но объективно положительные стороны имели тогда преобладающую важность, так как вследствие этих отношений основной центр движения Рисорджименто (основной не только для умеренных либералов, но и для демократов) — Сардинское королевство — не был стерт с географической карты, а сохранился как независимое государство.

ний период истории Рисорджименто, то есть с Парижского конгресса 1856 г. до 1866 г., до Ментаны, рассматривался трафаретно, упрощенно.

В наиболее интенсивный «инкубационный период» Рисорджименто, в начале XVIII в., Россия стала новым фактором в расстановке сил в Европе, а во второй половине XVIII в. она представляла собой новый фактор в международных связях итальянских государств. Превращение России в крупную европейскую континентальную (а также средиземноморскую) державу и определило новые элементы во внешней политике итальянских государств, в частности в политике Сардинского королевства и королевства Неаполитанского.

Когда же появился у русских интерес к итальянским государствам? Мы не останавливаемся здесь на рассмотрении торговых отношений России с Венецией и Генуей, с флорентийскими купцами и портом Ливорно, проникновения Венеции и особенно Генуи в Черное море и т. д. Первую попытку русских установить с итальянскими государствами прочные, не только торговые, но и другие отношения следует отнести к эпохе Петра Великого, когда Россия стремилась склонить Венецию к союзу против Турции. В осуществлении этой попытки большую роль сыграли русский консул в Венеции Дмитрий Бозис (1711 г.) и Маттео Карретта, предпринимчивый русский представитель в Венецианской республике. В марте 1712 г. Карретта как «доверенное лицо Петра Великого» в Генуе не только обещал итальянцам «льготы в Архангельском порту», но и предлагал установить прочные торговые отношения между Генуей и Россией. Еще более важную политическую миссию выполнял Карретта в Пьемонте. В 1712 г. благодаря заключению сепаратного мира с Францией Виктору Амедею Савойскому удалось несколько укрепить свои позиции. Однако в то время еще не был заключен Утрехтский мир (1713 г.), который вместе с Ниццей и Сицилией дал бы ему и королевский титул. Между тем Виктор Амедей усиленно добивался этого, стремясь заложить основы такого государства, каким вначале было королевство Сицилия, а затем — королевство Сардиния. Так в Италии возник территориальный, государственный и политический центр, которому было суждено большое будущее и который затем стал центром движения за объединение страны. Именно в такой обстановке Петр Великий при посредстве Маттео Карретта обратился к Виктору Амедею. Последний прежде всего потребовал королевского титула, который и был ему пожалован в Утрехте. Однако предпринятые русскими шаги остались без последствий. Мало дали и попытки наладить отношения с Генуей и Венецией (имели место отдельные случаи товарообмена).

Интересно отметить, что и во времена Петра Великого и в царствование Екатерины II, последовательно проводившей начатую Петром политику, инициатива установления дипломатических отношений между Россией и итальянскими государствами всегда исходила только от России и никогда, ни в одном случае — от итальянских государств. В 1748 г. Россия предприняла такого рода попытки в отношении Венеции; в 1749 г. она весьма настойчиво предлагала ей заключить торговое соглашение, и если эти попытки не привели к положительным результатам, то только из-за нерешительности венецианцев. В 1761—1762 гг. по инициативе русских дело дошло уже до переговоров об обмене послами, но 27 февраля 1763 г. Венецианская республика дала понять, что, пожалуй, можно было бы заключить торговое соглашение, но незачем «посылать послов». Десять лет спустя, 17 августа 1773 г., Поло Ренья писал из Константинополя к Николо Фоскарини, что если в Венеции действительно хотят, чтобы развилась венецианская торговля, то «нельзя оставлять петербургский двор без ее посла». Однако и на этот раз ничего не было предпринято. Тогда Екатерина II совершила дипломатический шаг, выходящий несколько за рамки обычного, но весьма характерный для методов ее дипломатии. Она решила назначить своего посла в Венецию, несколько не заботясь

о том, как поступит в отношении России Венецианская республика. Венеция действительно не воспользовалась правом дипломатической взаимности и не назначила своего посла в Петербурге. Русский посол в Венеции Маруцци был аккредитован и при всех остальных итальянских государствах.

Не было ли это дипломатическим «ходом» Екатерины II, связанным с началом русско-турецкой войны, когда ей нужны были свои люди именно в средиземноморских государствах? Судя по материалам итальянских архивов, Венецианской республике пришлось уступить под нажимом и принять посла. Дело, однако, обстояло иначе. По этому поводу русские архивы могут, может быть, дать нам более точные сведения. За год до принятого Екатериной II решения в Италии с секретной миссией побывали ее доверенные лица — братья Орловы, которым было поручено выяснить причины, мешавшие маленьким и слабым итальянским государствам — быть то под угрозой Австрии, Франции, Англии или Турции — установить нормальные отношения с Россией. Именно эти державы, а не итальянские государства и препятствовали дипломатической активности русских в Италии. Итальянские государства не могли отрицательно относиться к сближению с Россией, ибо последняя могла бы уравновесить преобладающее влияние той или иной державы.

Установление нормальных дипломатических отношений между Россией и итальянскими государствами было фактически подготовлено миссией Орловых в 1767 г., поездкой Гримма в 1776 г. и великого князя Павла с супругой в 1782 году. Это шло вразрез с интересами Турции (в Венеции, Неаполе и Генуе) и Австрии (во всех итальянских государствах, особенно же в Венеции), а также Франции (заинтересованной в Генуе и сочувствовавшей политике Турции на Ближнем Востоке) и Англии (заинтересованной в Неаполитанском королевстве и особенно в опекаемом ею в те годы королевстве Сардинском). Но обоюдные интересы России и итальянских государств не позволили долго мириться с разного рода «помехами» и «преградами», возникшими на пути к их сближению, хотя итальянские государства и не сумели вначале правильно оценить положение и слишком поддались нажиму со стороны иностранных держав. Екатерина II в период с 1768 по 1780 г. лишь ускорила события, учтя создавшуюся для этого благоприятную обстановку, и добилась присоединения России к политической игре на итальянской почве. Это было важное событие; в дальнейшем оно привело к сильному изменению во взаимоотношениях между итальянскими государствами и всеми остальными странами.

Первым решило обменяться послами с Россией Неаполитанское королевство (1777 г.), за ним последовали Пьемонт, Венеция и Генуя (1782—1783 гг.); своего представителя в России пожелало иметь даже Тосканское великое герцогство, однако представляли его в Петербурге австрийские послы. Таким образом, начиная с 1782—1783 гг. Россия становится первостепенным фактором в определении итальянской политики.

Вначале (в период с 1783 по 1790—1791 гг., то есть вплоть до Французской революции) в итальянских министерствах иностранных дел все еще царил дух нерешительности, опасений и предубеждения, мешавший установить раньше нормальные отношения между двумя странами. Известное исключение составляло Неаполитанское королевство. Оно было единственным итальянским государством, присоединившимся к вооруженному нейтралитету и заключившим с Россией торговое соглашение.

Предстояло, однако, преодолеть еще немало всякого рода трудностей. Так, под давлением Франции и Турции Генуя, которая в 1783 г. лишь формально согласилась на обмен послами, в 1785 г. отозвала своего представителя из Петербурга и ограничилась согласием на пребывание в Генуе русского посла в порядке одностороннего представительства. Отношения между Россией и Венецией в период с 1783 по 1797 г. развивались

довольно вяло. К тому же с заключением Кампоформийского мира в 1797 г. Венеция как независимое государство прекратила существование. Что же касается Тосканского великого герцогства, то его представительство в Петербурге, как уже указывалось, осуществлялось Австрией, и, хотя в Тоскане постоянно находился русский посол, независимой политики в отношении России Тосканское великое герцогство никогда не проводило. Относительно независимую внешнюю политику в отношении России проводили в конечном счете только два государства — Сардинское королевство и королевство Неаполитанское, — хотя и они находились под контролем и сильным влиянием англичан. Оба эти государства и стремились использовать сначала Екатерина II, а затем Павел I в борьбе против революционной Франции.

В этот период Пьемонт выдвинул требование расширения своих территориальных владений за счет Северной Италии, в сторону Гетуи и Ломбардо-Венецианской области. С подобным же требованием в отношении территорий, граничивших с папским государством, выступило в те годы и Неаполитанское королевство. Известно, как завершились связанные с этими требованиями военные кампании сначала Пьемонта, а затем и Неаполитанского королевства против Франции времен Директории. Был момент, когда потерпевшие от французов поражение Пьемонтское государство и королевство обеих Сицилий чуть не прекратили своего существования как независимые государства. В 1799 г. весь полуостров был оккупирован французами. Независимость от Франции сохранили лишь Сицилия и Сардиния. Первая находилась под опекой Великобритании, вторая — под покровительством России. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на событиях, связанных с суворовским походом в Италию, и отношении к этому походу со стороны итальянских государств. Все это общеизвестно.

Россия совместно с Англией в течение продолжительного времени даже оказывала итальянским государствам, в частности королю Сардинии, финансовую помощь. Без этой помощи Савойскому дому было бы весьма трудно осуществлять свое господство, сохранять видимость государства с армией и дипломатическим представительством за границей. В дальнейшем, при Александре I, несмотря на иной внешнеполитический курс, чем при Павле I, линия России в отношении Италии оставалась неизменной, и Чарторыйский, товарищ министра, а затем министр иностранных дел, пытался добиться дальнейших результатов в развитии этих отношений. В этой связи немалое значение имели миссия Новосильцева в Лондоне и план переустройства Европы, который Россия предложила Англии в 1804—1805 годах.

Одной из идей Чарторыйского во внешней политике было стремление создать на севере Италии сильное и независимое итальянское государство с иным политическим строем, чем в Сардинском королевстве, а именно: умеренно-либеральное и конституционное. Такова же в общих чертах была и политическая платформа итальянских патриотов, которые после разгрома якобинского движения стали организовываться в тайные общества и вели борьбу против наполеоновского господства. Одни боролись за создание единой и независимой Италии, другие (по крайней мере, в те годы) — за создание федерации независимых итальянских государств, в которых роль важнейших политических центров должны были играть территориально расширившееся и укрепленное конституционное государство Сардинии на севере и конституционное королевство обеих Сицилий на юге.

В рамках короткой статьи, разумеется, невозможно исчерпывающе рассмотреть и решить вопрос, вокруг которого издавна идут споры, а именно: из каких источников черпал Чарторыйский идеи, которыми он руководствовался в своей политике в 1804—1805 гг., ратуя в условиях новой расстановки сил в Европе за независимость Италии, Швейцарии,

Голландии и Германии, и какое противодействие и сопротивление эти идеи встречали со стороны старого дипломатического персонала министерства иностранных дел России? Невозможно также точно установить, какую роль в выработке плана переустройства Европы играл Александр I. Он вел, как известно, двойную политическую игру, внешне как бы отдавая предпочтение рассчитанному на экспорт либерализму, а по существу не только в своей внутренней, но и во внешней политике придерживаясь сугубо реакционного курса. На некоторые из этих вопросов ответил сам Чарторыйский в своих мемуарах, из которых видно, что, стремясь проводить в отношении Италии и других европейских государств «национальную» или весьма умеренную «либеральную» политику, он исходил из убеждения, что если применять определенные принципы в отношении Италии, Германии, Голландии и Швейцарии, то нет никаких оснований не применять их к Польше (следует помнить, что Чарторыйский прежде всего был польским патриотом). Чтобы понять происходившие в те годы события, следует учесть, что инструкции Новосильцеву, в которых в столь ответственном дипломатическом документе абсолютистской державы утверждался и в то же самое время отрицался (в интересах экспансионистской и захватнической политики самодержавного русского государства) принцип национальности, были, несомненно, первоначально вызваны передовыми идеями, созревавшими в определенных прогрессивных кругах Европы. Однако, пройдя сквозь фильтр двойственной и лицемерной политики Александра I, эти идеи подверглись изрядному искажению и извращению, что видно уже из плана 1804—1805 гг., в дальнейшем же, в 1814—1815 гг., они превратились фактически в свою противоположность.

Не подлежит сомнению также и то, что на подход Чарторыйского к итальянским проблемам оказал большое влияние его старый учитель и друг, итальянский масон Сципион Пьяттоли³. Если идея создания «Негласного комитета», который объединил бы молодых друзей Александра I и в известном смысле поставил бы себя над законным правительством России (так, по крайней мере, полагали те, кто в него входил), и может быть в известной мере приписана Чарторыйскому, то первоначально она зародилась не у Чарторыйского и тем более не у Александра I. В основе своей эта идея была выдвинута Пьяттоли за много лет до этого — 20 апреля 1790 г. — в его знаменитом меморандуме Станиславу Понятовскому. Пьяттоли настаивал в нем на необходимости создания в Польше, помимо законного правительства, «Тайного комитета чрезвычайного управления», который существовал бы вне правительственного и государственного аппарата и состоял бы из ограниченного числа людей, по-настоящему воодушевленных стремлением к коренным преобразованиям. Этот комитет должен был, по мысли Пьяттоли, поставить перед собой следующую цель: «небольшой группе людей во главе с королем», отличающейся передовыми взглядами и объединенной стремлением осуществить глубокую реформу государства, выработать новую политическую линию и, пользуясь авторитетом монарха, проводить ее в жизнь. Пьяттоли полагал, что его формула представляет собой нечто среднее между так называемой «политикой реформ» просвещенного абсолютизма, на который больше нельзя было уповать, и якобинскими и радикальными методами действия, которые, по его мнению, не нашли бы в таких стра-

³ Пьяттоли с ранних лет воспитывал Чарторыйского. С 1794 по 1800 г. он пробыл в тюрьме в Австрии, куда был заключен по подозрению в якобинской деятельности и в связи с итальянскими и французскими якобинцами. В 1803 г. Пьяттоли постоянно переписывался с Чарторыйским, а в 1804 г. был вызван им в Петербург и стал его советником и секретарем. О влиянии Пьяттоли на отношение к итальянским проблемам в Петербурге в тот период свидетельствуют пьемонтские и ватиканские дипломатические архивы: донесения посла Сардинского королевства в Петербург графа де Мэстра, посла Сардинского королевства в Лондоне графа де Фронта, государственной канцелярии Папского престола и, наконец, донесения пьемонтского министра иностранных дел Росси.

нах, как Польша и Россия, необходимой политической и социальной базы, поскольку там не было развито третье сословие. К таким, в сущности, взглядам был близок и Лагарп — наставник Александра I, но у него эти взгляды носили более умеренный и менее глубокий характер, чем у Пьяттоли, ибо сам он был человеком более поверхностным. Лагарп был швейцарцем по происхождению, уроженцем Ваадского кантона, но в масонство был посвящен в Италии, в Неаполе, в 1782 г. и оказался как раз в той радикально настроенной части итальянского масонства, в которой по праву главенствовал вместе с Филиппо Мадзеи (подписавшим декларацию независимости Америки) Сципион Пьяттоли.

Мы не станем здесь подробно останавливаться на вопросе о том, в какой мере воздействовал Пьяттоли на внешнеполитический курс России в отношении Италии (судя по донесениям канцелярий итальянских государств, влияние его было довольно значительным), ни на споре, который имел место между Тьером и Чарторыйским по поводу Пьяттоли, ни на работе д'Анкаона о Пьяттоли, в которой впервые были исследованы эти вопросы, ни на книге Хильдегарда Шэйдера «Третья коалиция и Священный союз» (пользовавшийся таким успехом среди историков дипломатии на Западе), ни на относящихся к рассматриваемой теме последних трудах Шенка, Капассо, Буркена и польских историков Ашкенази и Кукеля⁴. Несомненно и бесспорно одно: начиная с 1804—1805 гг. «итальянский вопрос» получил «право гражданства» наряду с другими вопросами, обсуждавшимися правительствами великих держав. И хотя прогрессивные вначале идеи были затем искажены и извращены Александром I и в дальнейшем подверглись еще более глубокому искажению в результате позиции, занятой по этому вопросу Англией Питтга, а в Шомоне, Париже и Вене Кэстльри, Талейран и Меттерних с благоволения самого Александра нанесли этим идеям сокрушительный удар, не подлежит сомнению, что с того времени «итальянский вопрос» под воздействием определенных прогрессивных и радикально настроенных кругов стал приниматься во внимание в политике правительств. Несомненно и то, что впервые выдвинуло этот вопрос на арену европейских дискуссий именно русское правительство благодаря плану Чарторыйского — Новосильцева.

Впрочем, если проведению этой политики всячески противодействовали наиболее консервативные круги России, то еще более упорное сопротивление она встречала там, где как раз менее всего этого следовало ожидать, а именно: в канцеляриях тех итальянских государств, которые могли, казалось бы, извлечь для себя из этой политики большие выгоды, и, в частности, в пьемонтском правительстве. Так, Виктор Эммануил I испытывал буквально панический страх перед той политикой, которая приписывалась молодому Александру I и России. И хотя Пьемонт продолжал возлагать на Россию (главным образом на Россию, как о том красноречиво свидетельствуют пьемонтские дипломатические архивы) свои надежды, полагая, что она окажет давление на Наполеона и это поможет восстановлению Сардинского королевства, Виктор Эммануил, тем не менее, страшился мысли, что ему посоветуют придерживаться умеренно конституционной и либеральной политики. Пьемонтский посол в Петербурге де Мэстр, которому суждено было стать идеологическим знаменосцем католическо-абсолютистской реакции в Европе, получал инструкции не только сделать все возможное, чтобы высвободить Александра из-под влияния его молодых друзей-реформаторов, но и приложить все усилия

к тому, чтобы отношения между Ватиканом и Россией (неизменно весьма плохие) приняли более дружельюбный характер. Прежде чем отправиться в Петербург, де Мэстр фактически получил инструкции не только от пьемонтского правительства, но и от папы Пия VI.

Такой близорукий, узколобий, отсталый и реакционный характер носила в период с 1803 по 1813—1814 гг. внешняя политика отдельных итальянских государств — Пьемонта и королевства обеих Сицилий. Вследствие этого самодержавное русское государство, обращаясь в Кальяри и Палермо, не раз упрекало эти правительства в приверженности социальным и политическим формам прошлого и советовало им перестроиться и принять если не существо, то хотя бы некоторые формы конституционного правления, поскольку после Французской революции и наполеоновской империи в Западной Европе этого трудно было избежать.

«Было бы странно, — сказал Чарторыйский в одной из бесед с де Мэстром, — если бы в Сардинии не хотели править так, как правит, например, король Англии». Уведомив об этой беседе правительство Кальяри, де Мэстр, в свою очередь, нашел «странными» слова министра иностранных дел наиболее авторитетного государства в Европе. «Странное политическое суждение странной эпохи, — писал он, отвечая Чарторыйскому. — Сардинское правительство отнюдь не более деспотично, чем другие монархические правительства». Это было явным намеком на царское правительство, которое, установив в своей стране аракевский режим, выставляло себя перед министрами иностранных дел западных государств поборником прогресса и политических преобразований. Лишь в 1813—1814 гг., когда итало-французские заговоры, носившие антинаполеоновский характер, приняли широкие масштабы, грозя выбить из колеи сардинскую дипломатию, если она в той или иной степени не будет учитывать требований итальянских патриотов и конспираторов, де Мэстр переменял свою политику. Оставаясь по-прежнему и даже в еще большей степени, чем прежде, реакционером (именно в этот период он усиленно плел интриги с иезуитами, в результате чего его в конце концов выпроводили из России), он начал поносить политику Нессельроде, называя его «проклятым австрийцем», и настойчиво доказывать необходимость поставить во главе сардинского правительства новых людей, испытывающих влияние новых идей, не бояться революции, а, напротив, стать во главе ее, чтобы подавить ее, не дав захлестнуть себя бурлящим подпочвенным течением, которые подрывали основы режима: «Схватить революцию в объятия, чтобы ее задуть».

Это было началом противоречивой политики, и именно де Мэстр, знаменосец реакции, явился ее инициатором. Политики этой придерживался сначала Карл Альберт, затем Виктор Эммануил II, и привела она в итоге к компромиссу между старыми консервативными правящими классами Сардинии и наиболее умеренной частью итальянского либерального движения.

В период 1814—1815 гг. Россия вновь пошла навстречу как устремлениям Пьемонта, так и своего старого и верного союзника — королевства обеих Сицилий. Были приложены усилия к тому, чтобы Пьемонтскому государству не только были возвращены его прежние владения, но и присоединены Генуя и Лигурийское побережье, что отвечало основным стремлениям этого государства. Разумеется, те, кто мечтал о более широкой экспансии Пьемонта в Северной Италии, о расширении его границ за счет Ломбардо-Венецианской области, были разочарованы. Миссия Конфалоннери и его друзей в Париже наталкивалась на холодную враждебность Англии, которая по-прежнему оставалась другом Австрии. Впрочем, в обстановке, когда в Париже и в Вене Австрия, Англия и Франция осуществляли союз (январь 1815 г.) и заключили тайное соглашение против России и Пруссии, Пьемонт не мог рассчитывать на то, что его требования встретят более горячий прием. Но именно эти соглашения

⁴ A. Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Vol. V. Paris. 1845; A. Czartoryski. Mémoires et Correspondance. Vol. I. Paris. 1887; A. d'Ancona. Scipione Piattoli e la Polonia. Firenze. 1915; Hildegarde Schaefer. Die Dritte Koalition und die Heilige Allianz. Königsberg — Berlin. 1934; H. G. Schenk. The aftermath of the Napoleonic wars. London. s. d.; C. Capasso. L'Unione Europea e la grande alleanza del 1814—1815. Firenze. 1932; M. Bourquin. Histoire de la Sainte Alliance. Genève. 1954; S. Askenazy. Napoleon a Polska. Varsavia — Cracovia. 1918; M. Kukiel. Czartoryski and European Unity 1770—1861. Princeton, New Jersey. 1955.

1814—1815 гг. послужили толчком к еще более решительной ориентации Пьемонта и Неаполитанского королевства на Россию. Ибо какое же реальное значение могли иметь и имели многочисленные мирные договоры и формальные договоры о союзе, если, по существу, сами эти дипломатические акты свидетельствовали о том, что именно в тот самый момент, когда делались попытки создать европейскую Директорию, союз между великими державами вступал в фазу кризиса, причем кризис этот носил отнюдь не поверхностный, а глубокий и крайне серьезный характер, о чем свидетельствовало тайное соглашение от 3 января 1815 г., направленное против России и Пруссии. Несмотря на наличие Венского договора о союзе (25 марта 1815 г.), Священного союза, заключенного в сентябре, и четырехстороннего Парижского договора (20 ноября 1815 г.), позиция России продолжала оставаться непримиримо враждебной по отношению к политике не только Англии, но и входившей в Священный союз Австрии. Было очевидно, что противоречия эти будут проявляться в еще более резкой форме в Италии, Греции и на Ближнем Востоке.

Положение Италии после трактатов 1814—1815 гг. далеко не улучшилось. Правда, Сардинское королевство с присоединением территории Генуэзской республики восстановило свои силы, но в Италии утвердилось и господство Австрии, что вынуждена была официально признать Россия, хотя с 1815 г. она и начала подрывать позиции Австрии. Меттерних, не пожелавший на Венском конгрессе даже создать комиссию по итальянским вопросам (как это было сделано в отношении Германии), предложил создать лигу итальянских государей под эгидой Австрии. Неаполитанскому королевству пришлось взять на себя обязательство не вводить в своих государствах такие институты, которые противоречили бы институтам подвластной Австрии Ломбардо-Венецианской области. Если бы Австрии удалось положить конец относительной политической независимости Сардинского государства, дело Италии подверглось бы серьезному риску и встретило бы большие затруднения. Но Россия воспротивилась австрийскому плану. Опираясь на поддержку России, Пьемонт не принял плана Австрии, который, таким образом, не мог быть реализован. Впрочем, Австрия и не собиралась повиноваться решениям конгресса, хотя они и были для нее вполне благоприятны. После подписания Парижского трактата она не только отказалась эвакуировать свои войска из Александрии, но еще потребовала от Пьемонта северную часть Новарской провинции и Симплонский перевал. Русскому министру иностранных дел Каподистрия пришлось на протяжении каких-нибудь нескольких месяцев раза четыре вмешиваться, чтобы положить конец этим непомерным притязаниям. Тогда-то (1816—1818 гг.) в Вене и возникло подозрение, не существует ли между Россией и Пьемонтом секретных соглашений. Меттерних касается этого вопроса в своей переписке и мемуарах. Но в действительности подобных соглашений не существовало. Создавая всяческие трудности для Австрии и Англии на итальянской территории, Россия просто платила им той же монетой за Венский конгресс.

В такой обстановке Каподистрия и начал проводить определенную политическую линию в отношении Италии. В какой мере она была действительно политикой русского правительства, а в какой Каподистрия лично влиял на нее, направляя по определенному руслу, сказать трудно, ибо следует учесть, что Каподистрия родился на Корфу, а вырос и получил воспитание в Италии, следовательно, был в такой же мере итальянцем, как и греком. Разумеется, русские агенты, в большинстве своем уроженцы Корфу, в течение всего этого времени действовали в Италии в контакте с итальянскими либералами и участниками тайных обществ; впрочем, такого рода связи поддерживали и сами русские послы, такие, как Италинский, Мочениго, Мустоксиди и многие другие, а особенно П. Б. Козловский, впоследствии отстраненный от дипломатической деятельности именно за эти связи и за сочувствие либеральным идеям. Об

этом наглядно свидетельствуют не только дипломатические донесения австрийцев, которые могли быть заинтересованы в том, чтобы представить русскую политику в определенном свете, но и донесения английских, прусских и особенно итальянских дипломатических агентов.

Вплоть до 1818—1819 гг. Александр I, увлеченный направленной против Австрии политикой двойной игры, смотрел на это в известной мере сквозь пальцы. Но после 1818 г. игра стала слишком опасной. Тайные либеральные общества в Италии начали действовать все более активно, а с некоторых пор такие же тайные общества возникли и на территории России. Обеспокоенное этим обстоятельством, русское правительство не намеревалось дальше играть с огнем и предпочло договориться с Меттернихом и по итальянскому вопросу. Таким образом, Каподистрия была неизбежно уготовлена та же участь, что Чарторыйскому и Сперанскому.

Между тем результатом этой политики России было не только то, что, как верно отметил Энгельс, на известное время удалось «обставить европейских либералов» и, в частности, итальянских, но главным образом и то (это особенно беспокоило Меттерниха), что был дан сильный толчок развитию в Италии буржуазно-аристократического либерализма, очень умеренного по своей природе и больше боявшегося опоры на народ, чем абсолютизма. Либерализм этот, будучи нерешительным, колеблющимся и трусливым, рассчитывал главным образом на помощь иностранной династии и крайне нуждался в подобном рода толчках. Конечно, как только в Турине заметили, что Петербург договаривается с Веной, сразу же был положен конец этой политике, которую проводили в отношении России и Англии такие люди, как Валлеза и Котти ди Брузаско. Вновь был взят курс на открыто реакционную политику.

Вмешательство России во время восстаний 1820—1821 гг. еще усугубило положение. Когда же на трон вступил Николай I, поворот в русской политике по отношению к Италии вылился уже в открытую и безоговорочную поддержку австрийской политики, основывавшейся на грубом насилии и порабощении итальянского народа. Так завершилась политика, которой Россия придерживалась около сорока лет и которая объективно благоприятствовала нарождавшимся устремлениям Италии. Разумеется, Россия проводила эту политику отнюдь не из чувства бескорыстной любви к Италии, а из своих собственных интересов.

Что касается Николая I, то он в своей политике в отношении Италии, наоборот, делал ставку на Австрию как на жандарма, который оградил бы его от опасности революции. С другой стороны, расчет был на то, что, завязнув в Италии, Австрия меньше будет теснить Россию на Востоке. Так начался для Италии длительный период крайне неблагоприятной международной обстановки, когда, с одной стороны, она зависела от створившихся между собой Австрии и России, с другой — вплоть до 1845 г. — от взаимной поруки Австрии и Англии. Вот тогда и родился известный лозунг умеренных либералов и демократов Италии: «Италия сама себя освободит», — иначе говоря, они пришли к выводу, что на помощь извне, от какой-нибудь иностранной державы, рассчитывать не приходится. Этот лозунг, впервые прозвучавший во время движения 1796—1799 гг., приобрел особенное конкретное значение в тот период, когда распался абсолютистско-католический блок, уступив место неогвельфскому, либерально-католическому, движению⁵, что в условиях Италии, при ее экономической, социальной, идеологической и политической структуре, было фактом огромного значения. Это было именно то, что Грамши по

⁵ Произошло это после выхода в свет книг Джоберти «Первенство итальянцев» («Primato degli italiani») и Бальбо «Надежды Италии» («Speranze d'Italia») (1843—1844) и после того, как в Северной Италии стала формироваться новая торговая и промышленная буржуазия, искавшая соглашения с менее реакционной частью старых правящих классов.

праву назвал «политическим шедевром итальянского Рисорджименто»⁶. Дело, разумеется, не в том, что неогвельфы, либеральные католики, представляли действительно прогрессивную силу, а в том, что образование этого течения привело к расколу, к распаду гнетущего реакционного абсолютистско-католического блока и пробило брешь, в которую хлынул стремительный поток светского либерального движения и прежде всего демократического движения, ставшего подлинной движущей силой итальянского Рисорджименто.

В течение тридцати с лишним лет, отделяющих восстания 1820—1821 гг. от начала Крымской войны, Россия играла, если и не всегда, то во всяком случае весьма часто, роль «alter ego» Австрии в Италии, а итальянские патриоты стали искать союзников среди врагов русского самодержавия. Они объединялись с поляками, бороздившимися за свободу и независимость Польши, с русскими демократами, сгруппировавшимися вокруг «Колокола» Герцена, с которыми наши патриоты поддерживали широкие связи. Даже наиболее умеренное крыло национально-либерального движения — неогвельфы, с Чезаре Бальбо во главе, высказывали на страницах «Speranze d'Italia» пожелание, чтобы Австрия напала на Россию, расширив за ее счет свои владения и преградив ей путь на Восток (именно на это, по мнению Бальбо, следовало надеяться Италии), полагая, что таким образом австрийский нажим на Италию будет ослаблен. Бальбо мечтал также о католическом союзе папства, итальянских государств, Австрии и Польши против России, который должен был напасть на Россию и покончить с ее абсолютистской и в то же время антикатолической политикой, державшей в напряжении Европу. Против России Николая I были настроены в то время и либералы — поборники светской власти, во главе которых стоял Кавур, и в еще большей мере — демократы. В последние годы восточного кризиса эту обстановку пыталась использовать Англия, побуждая Пьемонт на совместное выступление с ней и с Францией Наполеона III против России в Крыму. Англичане стремились убедить итальянских либералов и демократов, что для дальнейшего развития политических событий большое значение имело бы, если бы сама Австрия в блоке с западными державами заняла, в конечном счете, позицию враждебного нейтралитета по отношению России, изолируя, таким образом, ненавистный абсолютистский режим Николая I и ставя его перед перспективой неизбежного поражения.

Так Италия вступила в последнюю фазу своего движения за объединение страны, рассматриваемого в свете международных отношений, в свете взаимоотношений великих держав. Годы после окончания Крымской войны и до 1860 г. были тяжелыми годами для Италии.

По утвердившемуся в исторической науке трафарету, деятельность Кавура и политика, проводившаяся им в тот решающий для судеб Италии период, на протяжении многих десятилетий представлялись в неверном свете, весьма отдаленно отражая подлинную действительность. Согласно этой концепции, ныне признанной несостоятельной и лишенной всякой ценности, Кавур принял решение об участии Пьемонта в Крымской войне якобы потому, что гениально предвидел, что таким путем Италия сможет добиться, чтобы ее голос услышали на международных конгрессах, где можно будет вновь в решительной и резкой форме поставить перед Европой и перед всем миром «итальянский вопрос», то есть вопрос о необходимости объединения Италии и предоставления ей независимости. В действительности это было не так. Кавур не хотел выступления Италии в Крымскую войну в тот момент, когда Австрия придерживалась враждебного по отношению к России курса, ибо Австрия была главным врагом национально-освободительных стремлений Италии. Либералы, и особенно демократы, в связи с этим не одобряли Крымской войны. Кавур рас-

сматривал участие Пьемонта в ней как бедствие для страны и, в частности, как направленный против него удар, поскольку он не смог бы остаться у власти, а должен был бы уступить ее реакционной партии старого графа Соларо делла Маргарита, которую возглавлял в то время молодой граф ди Ревель. Кавур не был государственным деятелем типа Бисмарка; он был либералом в полном смысле этого слова, будучи в то же самое время настроен антидемократически, как были настроены в тот момент — в большей или меньшей степени — все либералы в Италии и в Европе, как подобало сторонникам умеренного либерализма. Кавур, следовательно, не понял значения того факта, что реакционный австро-русский блок распался. Он всегда считал несчастьем для Италии, что Англия и Франция пытались перетянуть Австрию на свою сторону. Политику Англии и Франции времен Наполеона III, государств, где утвердился буржуазный экономический строй, он считал либеральной, хотя в действительности эти державы были весьма далеки от либерализма, ибо они были заинтересованы прежде всего в расширении своего господства. Будучи противником демократов, которых он считал «партией демагогов», Кавур, тем не менее, во внешней политике разделял ряд их положений. Такой позиции Кавур придерживался с 1853 до 1856—1857 гг., то есть даже после того, как на Парижском конгрессе обнаружил, что «либеральная» Англия Пальмерстона, на которую он так уповал, была в действительности союзницей Австрии.

Чистейшим вымыслом является утверждение, будто Кавур после перемирия в Крыму все понял и поспешил в Париж пожинать плоды собственной политики. На самом деле он хотел послать туда д'Азелю, своего противника из рядов своей же партии, и рассматривал свою вынужденную поездку в Париж как конец политической карьеры. Как бы там ни было, по прибытии в Париж Кавур направил Наполеону III в феврале 1856 г. меморандум (важнейший документ, позволяющий судить о политике Кавура в те годы), в котором доказывал необходимость проводить политическую линию, прямо противоположную той, которая вырисовалась еще до конгресса и которая в ходе конгресса нашла свое яркое подтверждение. Кавур доказывал, что необходимо вести идеологическую борьбу против России и Австрии силами «либеральных» держав, то есть силами Франции, Англии и Пьемонта, критиковал Англию за неустойчивость ее принципиальных позиций, за то, что в 1812 г. она пошла на союз с Россией против Наполеона I, вместо того, чтобы заключить союз с Наполеоном I против России, дабы окончательно стереть с географической карты это автократическое абсолютистское государство. Он дошел до того, что считал возможным присоединение Пьемонта к англо-франко-австрийскому блоку в случае, если Пальмерстон и Наполеон III не согласятся, чтобы Англия, Франция и Пьемонт вели идеологическую борьбу против австро-русского блока. При этом Австрии должны были быть поставлены четкие условия: расширять свои границы в сторону Востока и покинуть свои позиции в Италии. Этот блок должен был быть направлен на изоляцию самодержавной России, на возобновление против нее войны для полного ее разгрома.

Меморандум был написан без всякого учета реальной обстановки. Кавур не знал, что начиная с октября предыдущего года произошло сближение между Наполеоном III и Россией и (одновременно или несколько позднее) сближение между Англией и Австрией, в результате чего сложившееся положение не только отличалось, но и было прямо противоположно тому, как представлял себе его Кавур по прибытии в Париж. Даже когда в марте и апреле довольно прозрачные намеки Орлова и Бруннова, а также беседы с Наполеоном III открыли Кавуру глаза, он все еще не мог отказаться от своей первоначальной доктринарской политической схемы. По-настоящему и полностью он отказался от своего первоначального плана, как о том неопровержимо свидетельствует пье-

⁶ A. Gramsci. Указ. соч., стр. 50

монтская дипломатическая корреспонденция, лишь во второй половине 1856 г. и особенно в течение следующего года.

Как бы там ни было, заслуга Кавура заключается в том, что он сумел понять (и это было очень важно), что именно позиция Россия — позиция, ставшая антиавстрийской и тем самым благоприятной для Пьемонта, — являлась новым фактором во внешней политике, который уменьшал для Пьемонта опасность от союза с Наполеоном III. Последний, выступая в пользу Пьемонта, делал это отнюдь не из любви к либерализму. Этот авантюрист полагал, что он идет по стопам своего прославленного предка, вынашивал честолюбивые планы, связанные с французской экспансией в Италии; он мечтал о тосканском троне, который хотел предоставить в начале одному из своих родственников, и о неаполитанском троне, на который претендовал Люсьен Мюрат. Таким образом, политика России, благоприятствуя антиавстрийским планам Пьемонта, в то же самое время противодействовала французской экспансии в Италии. Политика России, следовательно, являлась рычагом — по виду далеким, безмолвным и неподвижным, — придававшим большую уверенность Кавуру в его политике союза с Наполеоном III.

Наряду с этим — и это было, само собой разумеется, главнейшим фактором — в Италии существовало широкое патриотическое движение, носившее либеральный и демократический характер, которое теперь уже не позволило бы никакой иностранной державе вести на итальянской территории политику, направленную на удовлетворение своих династических притязаний. Это движение, в лице ли таких умеренных, как Кавур (прикнувших к нему лишь в 1858—1860 гг.), или особенно таких демократов, как Мадзини и Гарибальди, воодушевлялось глубокой верой в то, что, несмотря ни на какие преграды, национальная независимость рано или поздно будет завоевана. Именно это положение вещей и придало силу политике Кавура. Последний даже воспользовался деятельностью своих противников, демократов, для того, чтобы склонить Россию (и не столько Горчакова, который, в сущности говоря, не относился враждебно к национально-освободительным стремлениям Италии, сколько наиболее консервативные политические круги России, пытавшиеся оказать влияние на Александра II) поддержать умеренно-либеральное движение, выступавшее за объединение страны, ибо, как Кавур уведомлял о том Петербург, только таким путем можно было помешать крайней партии взять верх.

Без сомнения, в решающую фазу нашего движения за единство и независимость страны русская политика объективно служила немаловажной опорой для умеренно-династических и национальных тенденций итальянского Рисорджименто, о чем неопровержимо свидетельствуют пьемонтские дипломатические документы и политический дневник графа Ольдони, неоднократно занимавшего в период с 1856 по 1862 г. пост поверенного в делах в Петербурге. В дальнейшем, правда, министерство иностранных дел России вынуждено было порвать дипломатические отношения с новым итальянским государством, исходя не столько из собственных убеждений, сколько из необходимости выполнить формальные обязательства, взятые ею по отношению к неаполитанским Бурбонам, которые оставались верны России в период Крымской войны и были связаны с ней на протяжении почти целого столетия — с 1777 по 1860 год. Это произошло тогда, когда Гарибальди, пройдя триумфальным маршем от Сицилии, вступил в Неаполь и когда войска Виктора Эммануила соединились с его войсками. Впрочем, разрыв между Российской империей и новым итальянским государством был лишь формальным и весьма кратковременным. Впоследствии русско-итальянские отношения вновь улучшились.